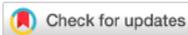

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Плате А. Медицинская экспертиза в Екатеринбургском госпитале : законодательство и практика 1720—1750-х годов / А. Плате // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 473—490. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-473-490.

Plate, A. (2025). Medical Expertise at Yekaterinburg Hospital: Legislation and Practice in 1720s–1750s. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 473-490. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-473-490. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Медицинская экспертиза
в Екатеринбургском
госпитале:
законодательство
и практика
1720—1750-х годов**

Плате Алисе

orcid.org/0000.0003.0055-2385

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Лаборатории
эдиционной археографии
aliceplate@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-18-00080
«Антропология горнозаводского центра:
социальная стратификация раннего
Екатеринбурга в 1723—1781 годах»

**Medical Expertise
at Yekaterinburg Hospital:
Legislation and Practice
in 1720s–1750s**

Alice Plate

orcid.org/0000-0003-0055-2385

PhD in History, research scientist,
Laboratory of Editorial
Archaeography
aliceplate@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-00080
“Anthropology of the Mining Center:
Social
Stratification of Early Yekaterinburg,
1723–1781”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию процесса осуществления медицинской экспертизы в Екатеринбургском госпитале в 1720—1750 годах. Указано, что медицинское освидетельствование требовалось законодательством в ситуации досрочной отставки от заводской службы по состоянию здоровья и являлось одной из главных задач лечебного учреждения. Целью исследования стала реконструкция административно-медицинской процедуры, сложившейся в горном ведомстве к концу 1720-х годов. Главную источниковую базу составили документальные источники официального делопроизводства, наиболее значимыми из которых являлись выписки из историй болезни, а также оригиналы и копии паспортов, датированных 1747—1751 годами и выданных мастеровым и работным людям Канцелярией Главного заводов правления в связи с утратой трудоспособности. Проанализированы процесс и практика осуществления медицинских осмотров в Екатеринбургском госпитале. Показаны самые распространенные среди заводских служащих заболевания и производственные травмы, ставшие причиной для обращения за медпомощью. Выявлены критерии для присвоения временной или постоянной инвалидности. Сделан вывод о выраженно военно-ведомственном характере горнозаводского здравоохранения. Показано, что в соответствии с действующим законодательством руководство Екатеринбургского госпиталя было обязано учитывать не только принципы врачебной этики, но и потребности казны в людских ресурсах.

Ключевые слова:

история Урала; история медицины; медицинское законодательство; медицинское освидетельствование; Екатеринбургский госпиталь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of conducting medical expertise at the Yekaterinburg Hospital during the years 1720 to 1750. It highlights that medical examination was mandated by legislation in cases of early resignation from factory service due to health issues, constituting one of the primary responsibilities of the medical institution. The objective of this study is to reconstruct the administrative and medical procedures that had developed within the mining administration by the end of the 1720s. The main source base consists of documentary evidence from official records, with significant emphasis on excerpts from medical histories, as well as originals and copies of passports dated between 1747 and 1751, issued to skilled and laboring individuals by the Office of the Chief Factories Administration due to loss of work capacity. The article analyzes the processes and practices surrounding medical examinations at the Yekaterinburg Hospital. It reveals the most common illnesses and occupational injuries among factory workers that prompted requests for medical assistance. Criteria for assigning temporary or permanent disability are identified. The study concludes that the healthcare system in the mining sector exhibited a distinctly military character. It demonstrates that, in accordance with existing legislation, the management of the Yekaterinburg Hospital was obligated to consider not only the principles of medical ethics but also the needs of the treasury for human resources.

Key words:

Ural history; history of medicine; medical legislation; medical examination; Yekaterinburg Hospital.

УДК 94(47).061.065

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-473-490

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Медицинская экспертиза в Екатеринбургском госпитале: законодательство и практика 1720—1750-х годов

© Плате А., 2025

1. Введение = Introduction

Одной из главных задач органов горнозаводского здравоохранения 1720—1750-х годов являлось проведение регулярных осмотров рекомендованных к отставке мастеровых и работных людей. На казенных предприятиях это было продиктовано требованием законодательства, предписывающего прохождение медицинского освидетельствования в аккредитованном Берг-коллегией лечебном учреждении в случаях увольнения со службы по состоянию здоровья.

Разрешив направлять рекрутов из приписных деревень «в заводские работы и обучать всякому мастерству», Сенат указом от 14 июля 1725 года приравнял службу на объектах горной промышленности к военной [ПСЗРИ-1, т. 7, № 4736, с. 503—508]. К концу первой половины столетия около 70 % рабочей силы на уральских казенных предприятиях, входивших в состав Екатеринбургского ведомства, составляли набранные из рекрут¹. Для них, так же, как в армии и во флоте, эта занятость фактически была пожизненной. Адмиралтейский регламент (гл. 1, п. 58) не предусматривал досрочной отставки, кроме как по болезни и возрасту [ПСЗРИ-1, т. 6, № 3937, с. 535; Черкасова, 1985, с. 90—91]. Условия были уточнены в указе Берг-коллегии от 11 мая 1726 года, постановившем никого «без свидетельства лекаря от дел не отрешать» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 135, л. 194].

На Урале уполномоченным лицом, проводившим военно-врачебную экспертизу, являлся руководитель Екатеринбургского госпиталя. Решения, однако, принимались не только на основе медицинского заключения. С 1727 года, в соответствии с указами Берг-коллегии от 22 апреля и 12 июля, горнозаводское здравоохранение подчинялось местным органам исполнительной власти, отныне за госпитальную отчетность отвечал надзиратель [Там же, д. 122, л. 183—188]. Последнее слово оставалось за Сибирским Обер-бергамтом (с конца 1734 года — Канцелярией Главно-

1 К определению территории Екатеринбургского ведомства и перечню находившихся на ней казенных заводов см.: [Корепанов, 2023, с. 376—377].

го заводов правления). На мнение учреждения влияли, безусловно, кроме оценки врача, соображения экономического характера. Приходилось также учитывать социальный фактор — последствия регулярных увольнений многочисленного контингента инвалидов.

Помимо основной болезни, ставшей причиной для обращения в органы здравоохранения, здоровье работников было подорвано тяжелым физическим трудом. В рассматриваемый период на казенных предприятиях Урала вопрос о годности возникал, как правило, спустя 15—20 лет работы на заводах.

Государственная медицина петровской и послепетровской России являлась военно-ведомственной. Изначально система здравоохранения создавалась с целью повышения конкурентоспособности армии и флота. Для их нужд были изданы такие законодательные акты, как Воинский устав 1716 года, Морской устав 1720 года, Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи 1722 года, вышедшие в 1735 году Регламент медицинской канцелярии и Генеральный регламент о госпиталях [ПСЗРИ-1, т. 5, № 3006, с. 524—637; т. 6, № 3485, с. 2—116, № 3937, с. 525—637; т. 9, № 6808, с. 646—648, № 6852, с. 705—706]. Подобные меры, принятые ради общего блага, распространялись на передовые для казны отрасли промышленности. Горнозаводская медицина 1720—1750-х годов регулировалась также специально разработанными локальными нормативными актами. Главы 13 («О содержании аптеки, лекаря и богадельни») и 7 («О докторе медицины или Берг-физики») татищевских Наказа заводскому комиссару Ф. Неклюдову (1723) и Заводского устава (1735) посвящены организации лечебного дела на Урале [Заводской устав ..., 1831; Татищев, 1990, с. 91—93]. В соответствии с ними создавалась медицинская инфраструктура, решались вопросы снабжения лечебных учреждений, вырабатывались правила медицинской экспертизы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Процедура, практикуемая в горном ведомстве для оформления отставки от государственной службы, не являлась новшеством. Берг-коллегия обратилась к уже имеющемуся опыту «смотренных» мероприятий 1700—1723 годов. Порядок действий, как показано в историографии, был выработан при Петре I в результате известных акций по рекрутированию дворянства и служилых людей на государственную службу, и уже тогда процесс включал в себя проведение медицинских освидетельствований. Лица, подавшие челобитные с жалобами о состоянии здоровья, должны были проходить осмотры, и без заключения медика определения в отставку не осуществлялись [Бабич, 2006; Балыкина, 2021; Гурьева, 2010; Захаров, 2022; Захаров, 2021]. Однако очевидное сходство редко отмечается, и

параллели между военной и горной отраслями практически не проводятся. Дело в том, что исследования по истории медицины XVIII века, тем более его первой половины, зачастую не выходят за традиционные рамки, а остаются, вопреки заявленной междисциплинарности, в привычных тематических русле. Историография, касающаяся становления горнозаводской медицины, посвящена в основном проблемам организации инфраструктуры здравоохранения в раннем Екатеринбурге (1723—1781 годы). В работах ряда авторов рассматриваются сложности финансирования и снабжения лечебных организаций, поднимается вопрос кадрового оснащения. Сама же деятельность медицинского персонала, круг его обязанностей, определявшийся ведомственностью госпиталя и основным контингентом лечившихся в нем пациентов, пока изучены недостаточно. Это справедливо обосновывается отсутствием в архивах цельного комплекса документов об истории медицины XVIII века [Копырина и др., 2020, с. 20—34; Корепанов, 2005; Сафронова, 2017, с. 51—70, Старков, 2007].

Тем не менее интересующая нас процедура медицинского освидетельствования не осталась вне поля зрения ученых. В статье А. М. Сафроновой и А. А. Сафронова «Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723—1734 годах», а также в кандидатской диссертации С. Н. Копыриной освещены проблемы взаимодействия представителей горной власти и медицины. Авторы, привлекая архивные материалы 1720—1750-х годов, описывают несколько случаев участия горных лекарей в процессе увольнения с заводской службы мастеровых и работных людей [Копырина, 2023, с. 116—166; Сафронова и др., 2020, 434—435]. Однако в связи с обзорным характером и иной постановкой исследовательских задач примеры в обеих работах несут скорее иллюстративную функцию, нежели систематизирующую. Исследования медицинской экспертизы в системе горной промышленности Урала первых десятилетий XVIII века комплексно пока не проводились. Не реконструирована заимствованная и сложившаяся в горном ведомстве в конце 1720-х годов административно-медицинская процедура, начинавшаяся с отправления инициативного документа (составляемого в заводских конторах доношения) и заканчивавшаяся в большинстве случаев распоряжением Сибирского Обер-бергамта (Канцелярии Главного заводов правления) о выдаче паспорта, наделявшего своего обладателя правом вернуться на место жительства — либо временно для восстановления здоровья, либо на постоянной основе [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 1—201]. Соответственно, данная статья представляет собой попытку восполнить отмеченный историографический пробел.

В качестве основного источника избрано «Дело об отставке мастеровых и прочих чинов от службы», хранящееся в фонде № 24 «Уральское

горное управление» Государственного архива Свердловской области [Там же]¹. В нем документально зафиксированы все этапы делопроизводственной процедуры на казенных заводах Урала 1720—1750-х годов, которые были необходимы для оформления инвалидности. Стандартный пакет документов для предоставления в Сибирский Обер-бергamt (Канцелярию Главного заводов правления), включал в себя аттестаты (в свободной форме или в виде таблицы) с выписками из личных дел и истории болезни рекомендованного к отставке лица, медицинские заключения с поставленным в госпитале диагнозом и прогнозом болезни. Нередко власти просили приложить к этому комплексу свидетельство («расспросные речи» ближнего окружения больного) — дополнительный документ, необходимый врачу в случае сомнения в подлинности заявленной болезни. В архивном деле находятся оригиналы и копии 62 временных или постоянных паспортов, датированных 1748—1751 годами. Документы, выданные Канцелярией Главного заводов правления в подтверждение факта (временной или постоянной) нетрудоспособности, содержат богатый фактологический материал. Помимо личных данных, описания внешности и информации о состоянии здоровья, в паспортах указаны сведения о происхождении и социальном статусе обладателя, а также о заводе, к которому он был прикреплен, о занимаемой в нем должности или о профессии, а также о передвижениях по службе.

3. Результат и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Медицинский осмотр в Екатеринбургском госпитале

Согласно татищевскому Наказу шихтмейстеру 1734 года (глава 7 «О зарплате мастерам», пункты 3 и 4), в обязанности заводских контор вменялось проведение регулярных осмотров работников для выявления негодных к продолжению службы лиц и извещения об этом Канцелярии Главного заводов правления [Татищев, 1990, с. 182—183]. Затем, чаще всего небольшими группами по 2—12 человек, снабженными соответствующими документами, больных отправляли для прохождения медицинского освидетельствования в Екатеринбургский госпиталь [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 1—201]. Исключение составляли служащие Кушвинского завода. После закрытия местного небольшого стационара в 1743 году они проходили первичный медицинский осмотр в госпитале Туринского завода. В Екатеринбург они попадали по направлению, когда туринские лекари не справлялись с нагрузкой [Копырина, 2023, с. 146—147; Сафронова, 2024, с. 302]. В период с 1 ноября 1750 года по 22 ноября 1751 года ру-

1 За предоставление документов автор выражает благодарность С. Н. Копыриной.

ководитель госпиталя, штаб-лекарь Иоганн-Христофор Шнезе обследовал в общей сложности 75 работников, рекомендованных к отставке по состоянию здоровья¹. Большая часть из них была прикреплена к Алапаевскому, Екатеринбургскому и Кушвинскому заводам и к заводу императрицы Анны (с 1759 года Сысертский завод). Также на прием к медику по болезни и из-за различных увечий попали служители ряда других казенных предприятий Екатеринбургского ведомства: Баранчинского, Каменского, Полевского, Сиячихинского, Сусанского, Сылвинского и Уктусского заводов и завода цесаревны Анны (Верх-Исетский завод). Если оценить их с точки зрения социальной стратификации, основной контингент осматриваемых лиц составили рабочие и ремесленники различных специальностей и категорий (рудокопщики, молотобойцы, плавильщики, афтрайгеры (таскальщики), засыпщики, плотники, каменщики и кузнецы). В списках числились конюхи и сторожа, реже — подмастерья и мастеровые. В среднем вопрос об оформлении инвалидности поднимался после 21,7 года, отданных заводской службе; средний возраст увольняемых по медицинским показаниям составил 43,9 года.

Физическое состояние рабочих нельзя назвать иначе, чем плачевным. Помимо последствий производственных травм, выявленные болезни, главным образом «глазные» и «внутренние», как констатировал в своих отчетах штаб-лекарь Шнезе, «через многие лета застарели» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 66—66 об.]. Назначенный по результатам первичного медосмотра курс лечения занимал в среднем 2—3 недели, но в некоторых случаях больных решали оставить на более длительный срок. Иван Фуфаев,

1 Предполагается, что приведенными в архивном деле данными охвачены не все лица, утратившие работоспособность в указанный период. Вместимость Екатеринбургского госпиталя была ограничена: как в старом, построенном в 1727 году здании, так и в новом каменном (1751 год) количество койко-мест в стационаре было рассчитано на 24 — максимум 30 пациентов, что соответствовало законодательным нормам [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1243, л. 89—92, д. 1728, л. 159—160]. Судя по имеющейся информации, за 1735—1739 годы в госпитале (стационарно или, возможно, амбулаторно) лечились в среднем 455,6 человек ежегодно (включая делопроизводителей и чиновников) [Там же, д. 894, л. 406—481 об.]. Если исходить из подобных цифр за 1750—1751 годы, количество рекомендованных к отставке работников составило 16,5 % из общего числа пациентов. После отъезда доктора Д. Грифа в Самару в июне 1737 года руководство Екатеринбургским госпиталем находилось в руках лекарей. Сначала должность занимал Л. Сименс, а с января 1738 года в связи с возвращением последнего в Санкт-Петербург учреждение возглавил Иоганн-Христофор Шнезе (с 1746 года в чине штаб-лекаря), уроженец герцогства Брауншвейг, состоявший на российской службе с 1731 года. На Урале, таким образом, предписание медицинского законодательства о том, что лечением внутренних болезней должны заниматься лишь доктора, на практике не применялось [Мирский, 1996, с. 43]. В течение всего периода (1738—1774 годы) штаб-лекарь Шнезе проводил все виды лечения; был уполномочен визировать медицинские документы внутреннего и внешнего делопроизводства.

ученик оконншиного дела, например, задержался в стационаре с ноября 1750 года до конца следующей весны. Затем, поскольку он не поправился, ему продлили «больничный лист» еще на шесть месяцев для лечения в домашних условиях [Там же, л. 1 об. — 3].

На сроки пребывания в госпитале могли влиять и другие факторы. Медицинские знания Раннего Нового времени далеко не всегда позволяли поставить точный диагноз, тем более когда речь шла о «внутренних болезнях». Как и в армии, врачи на казенных заводах беспокоились пропустить симулянта. Особые подозрения вызывала так называемая «падучая болезнь». В Екатеринбургском госпитале, опираясь на указы Берг-коллегии от 3 июля 1729 года и 23 июня 1731 года, лиц, якобы страдавших эпилепсией, подвергали двойной проверке [Там же, д. 280, л. 180, 183—185, 187]. Поскольку медики предполагали, что истинный эпилептик во время приступа лишается болевой чувствительности, госпитализированному в марте 1751 года подмастерью Ефтефею Горбунову из завода императрицы Анны были прописаны манипуляции раскаленным железом в течение 100 дней [Там же, д. 1310, л. 95, 105 об., 109—110]. К тому же экспертизе предшествовало обязательное проведение опроса окружения больного. В приведенном здесь случае шмельцер Евдокий Шишкин, кузнец Алексей Жданов и молотовой работник Гаврило Меркурьев расписались под свидетельством, подтвердившим регулярность проявлений болезни Горбунова. В июне того же года представители медицины и администрации пришли к консенсусу, что «болезнь не притворная» [Там же, л. 122—125 об.]. Описанная практика работала не всегда безошибочно. Доменный работник Яков Рукавшников, упавший во время припадка в расплавленный чугун, был доставлен из Кушвинского завода в Екатеринбург с сильными ожогами. Однако основанием для оформления отставки стала не эпилепсия. Во врачебном заключении указаны последствия производственной травмы [Там же, л. 160—160 об., 162].

Все описанные выше случаи восстановлены по заключениям штаб-лекаря, составляемым накануне выписки больного из госпиталя. Как правило, врачебные прогнозы были неутешительными, шансов на полное выздоровление не было. Соблюдая предписания Наказа шихтмейстеру, заводские конторы отправляли в Екатеринбург на экспертизу исключительно тяжелобольных, то есть работников, (временно или постоянно) лишившихся трудоспособности [ПСЗРИ-1, т. 7, № 5217, с. 911—912]. Однако в своей работе штаб-лекарь Шнезе руководствовался не только принципами врачебной этики. Учреждения ведомственного здравоохранения были обязаны учитывать потребности казны в людских ресурсах. Так же, как в армии, где именованным указом от 5 июля 1740 года получил законодательное

закрепление давно прижившийся принцип «отставку чинить с великим рассмотрением» [ПСЗРИ-1, т. 10, № 8160, с. 178], на горных предприятиях прошения о присвоении инвалидности одобрялись далеко не всегда. Лишний раз сообщать в Москву о случаях досрочного увольнения со службы власти Екатеринбурга опасались уже в начале 1730-х годов, поскольку за это «Сибирский Обер-бергамт на себя может понести немалый штраф» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 280, л. 184]. Подобные директивы были хорошо известны Иоганну-Христофору Шнезе, бывшему полевому «chirurgus», сопровождавшему до перевода на Урал в январе 1738 года персидское посольство С. Д. Голицына (1733—1736) [Корепанов, 2005, с. 71]. Опираясь на закон и практику, больных мастеровых и работных людей, не достигших 40-летнего возраста, штаб-лекарь старался определить к легким работам, а временно нетрудоспособных отправлял для излечения по месту жительства на собственное пропитание.

3.2. Установление временной или постоянной нетрудоспособности

Согласно архивному делу, в рассматриваемый период Канцелярия Главного заводов правления выдала 62 паспорта. Кроме личных данных служителя, в документ вносилась информация об основной причине его оформления: состояние здоровья, (временно или постоянно) не позволяющее работать на занимаемой должности. Тяжелую физическую нагрузку на заводах выдерживали далеко не все, многие рано или поздно превращались в инвалидов, с трудом передвигавшихся и нередко слепых [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 1—201]. В историях болезни описаны открытые переломы, вывихи рук и иссушенные конечности, раздробленные надколенники и плечевые кости, а прежде всего грыжи — паховые и пупочные.

Печальную картину усугубляет перечень «особых примет», указанных в паспортах для облегчения идентификации обладателя. Все части тела рабочих были покрыты шрамами и рубцами от «посеку», «порезу», ушибов и ожогов. У многих были потеряны от ранений фаланги, целые пальцы и иные части кисти. Страдали кожа и мягкие ткани. При осмотре обнаруживалось заметное количество «черных пятен от болезни» (характерная для цинги геморрагическая сыпь) и «бородавок» — скорее всего, карцином, вызванных постоянным контактом с сажой при отсутствии защитной одежды и базовой гигиены [Беляев, 1976, с. 43—44; Kurin, 2021, р. 91—97]. Нередко штаб-лекарь Шнезе ставил диагноз «внутренняя болезнь» из-за выявленных удушья и туберкулеза или случаев цинги и венерических заболеваний (вероятно сифилиса), чаще всего не первой степени [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 27, 36 об. — 37, 41, 53—53 об., 63 об, 79, 103, 184]. Наибольшее распространение в документах имеет менее конкретная формулировка «*всем корпусом слаб и дряхл*» [Там же, л. 65]. Судя по исто-

риям болезни, в Екатеринбургском госпитале обнаруживали болезнь, называвшуюся в немецкоязычной горной медицине Раннего Нового времени *Bergsucht* (болезнь шахтера) или *Hüttenkatze* (кот рудоплавщика), позже названную *Шнеебергским раком*. Речь идет о профессиональном легочном раке, вызванном вдыханием радиоактивной пыли и впервые отмеченном у горнорабочих Шнееберга (Саксония) и соседнего Иоахимсталля (сегодня Яхимов). Как правило, заболевание, проявляющееся разнообразными симптомами, прогрессирует медленно, постепенно поражая весь организм. На последней стадии больной, редко доживая до 40 лет, становится нетрудоспособным, или, как выражались горные врачи того времени, *bergfertig*, то есть «приконченным горой» [Härtling, Hesse, 1879, с. 296—309; 1880, с. 102—132, 313—337; Henkel, 1728; Schüttmann, 1988, с. 83—96].

Канцелярия Главного заводов правления выдавала два типа паспортов: временные и постоянные. В первых указывалась дата окончания срока, по истечении которого обладатель документа снова должен был отметиться в Канцелярии. Подобные «больничные листы» выписывали, как правило, на период до одного календарного года: временно нетрудоспособный рабочий отправлялся на место жительства, а выплаты жалования приостанавливались. За исполнением процесса следил госпитальный надзиратель, посредник между медицинской сферой и горнозаводской властью, состоявший в постоянной переписке со служащими заводской конторы. Если рабочий не выздоровел за указанный срок, а болезнь прогрессировала, то описанный процесс повторялся. После планового осмотра шихтмейстером такого работника направляли в Екатеринбург для прохождения очередной медкомиссии. В делопроизводственных документах регулярно встречаются упоминания многократных курсов лечения; в исследуемом архивном деле хранится несколько временных паспортов, датированных 1747—1749 годами [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 73, 82—82 об., 88]. Одним из пациентов являлся Иван Антропов. Рудокопщик Екатеринбургского завода наблюдался в госпитале из-за «внутренней болезни» в течение 5 лет. Однако к весне 1751 года его физические силы окончательно иссякли. На медосвидетельствование он лично явиться уже не мог, и новый паспорт Антропов получил через заводскую контору. Он оказался временным, со сроком действия до 1 июня 1752 года [Там же, л. 65—65 об., 71].

На выдачу постоянных паспортов Канцелярия Главного заводов правления решалась не сразу и, как правило, долго колебалась, когда вопрос о признании инвалидности затрагивал молодых служителей. Исключение составляли кадры, обратившиеся из-за «глазной болезни». Несмотря на сравнительно юный возраст (24—34 года), запросы учеников Екатеринбургского и Сылвинского заводов Антона Воробьева, Тимофея Гуляева и

Савы Корепова, работника Каменской пыльной мельницы, были одобрены при первом обращении за медицинской помощью [Там же, д. 1310, л. 20, 38—38 об., 112, 115—115 об., 181]. В иных случаях, однако, обследовав представителей молодого и среднего поколения, штаб-лекарь Шнезе заключал, что, «хотя летами невезма молод, некоторое время в легкой работе быть еще может» [Там же, л. 19]. При присвоении постоянной инвалидности чаще всего отмечали «старость и дряхлость». В отчетах этой устойчивой формулировкой дополнялся основной диагноз, в основном когда больной достигал хотя бы 50-летнего возраста. Главным ориентиром служило повеление именного указа от 5 июля 1740 года «определять к таким легким делам, какия по слабости их здоровья им будут сносны» [ПСЗРИ-1, т. 10, № 8160, с. 178]. Сроки эксплуатации человеческих ресурсов горнозаводское руководство старалось максимально продлить. Престарелых оформляли, по возможности, на вахтерскую должность, о чем свидетельствует завершающий этап карьерного пути 57-летнего Петра Костарева и 60-летнего Фирса Фомина, бывших молотовых работников на Синячихинского заводе и заводе императрицы Анны [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 28—28 об.]. Однако и последняя должность могла оказаться не по силам. Во время смены сторожа Афонася Серебрякова, в прошлом работника «досчатого дела» на Сылвинском заводе, случился пожар на скорняжной фабрике, и по его вине было уничтожено немалое количество мехов. Несмотря на многолетнее страдание «внутренней болезнью», несчастный сторож изъявил желание возместить причиненный ущерб, отработать его он планировал слесарем в Екатеринбурге. Просьбу о переводе Серебряков мотивировал наличием в городе родственников и лечебного заведения. Канцелярия Главного заводов правления согласилась, так как сумма казенных доимок составила 7,23 $\frac{3}{4}$ рублей [Там же, л. 72, 74—76].

Бывало, что инициативу увольнения нетрудоспособного работника брала на себя администрация, о чем свидетельствует пример 70-летних молотовых мастеровых завода императрицы Анны. Пантелей Забуров и Мосей Теткин являлись высококвалифицированными кадрами с полувековым служебным стажем — в лучшие годы, они, по всей видимости, были физически крепкими мужчинами. Впоследствии они так же отличались от своего окружения высоким ростом (171 и 173 см. [Там же, л. 175—176])¹, однако теперь, практически ослепшие, они перестали справляться с объемом работы. При этом уступать свои места масте-

1 В Российской империи рост человека измерялся в аршинах (71,12 см) и вершках (4,44 см). Согласно данным проанализированных паспортов, средний рост работников и мастеровых, прошедших медэкспертизу в Екатеринбургском госпитале в 1750—1751 годах, был 2 аршина и 4,5 вершка или в переводе на метрическую систему 161,9 см.

вые не планировали: уже давно (с целью сохранения неплохого оклада в размере 66 рублей ежегодно) двойная нагрузка была возложена на их сыновей, Якова Забурова и Мартына Теткина, подмастерьев на том же предприятии. Для заводского управления, разумеется, ситуация была невыгодной, что следует из ряда писем, адресованных Канцелярии Главного заводов правления в течение сентября-октября 1751 года [Там же, д. 1071, л. 4—339; д. 1310, л. 169—174 об., 178 об. — 179]. В итоге, на основании Сенатского указа от 5 февраля 1743 года, предписывавшего: «дабы такие, которые за совершенными болезнями, ранами и за старостью более воинской службы нести не могут, напрасно жалованья не брали», — Забурова и Теткина доставили в Екатеринбург для установления необходимого диагноза. Уже 2 ноября того же года молотовые мастера были освобождены от обязанностей [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 175—176; ПСЗРИ-1, т. 11, № 8701, с. 763—764].

3.3. Присвоение статуса трудового инвалида

Основная часть мастеровых и работных людей, проходивших в 1750—1751 годах медицинское освидетельствование в Екатеринбургском госпитале, поступили на заводскую службу из приписных деревень в окрестностях Белослудской, Белоярской, Камышловской, Невянской и Пышминской слобод, входивших в состав Екатеринбургского ведомства. Реже в качестве места жительства в документах указаны другие губернии — Сибирская, соседняя Оренбургская и в одном случае и Московская, откуда был взят в 1696 году упоминавшийся Пантелей Забуров [Там же, д. 1310, л. 73, 98—99 об., 116—116 об., 140]. Практически исключениями являлись рудокопщик Алексей Кайнов, посадский человек из города Тобольска, каменщик Василий Мошейников, выходец из тюменского казачества, а также рудокопщик на Уктусском заводе Родион Полагаев и ученик екатеринбургской меховой фабрики Петр Севастьянов, происходившие из мастеровых детей [Там же, л. 27, 73, 165 об., 186 об.]. Для каждого из них служба на горных предприятиях Урала была пожизненной. Таким образом, получение паспорта представляло собой возможность досрочного выхода из системы, поскольку навсегда освобождало их от заводских работ. Соответствующие документы оформлялись согласно формуляру указом императрицы и были скреплены подписями членов присутствия Канцелярии Главного заводов правления, надворного советника Н. Г. Клеопина, бергмейстера Г. У. Райзера и обер-гиттенфорвальтера Ф. М. Старого-Миллюкова. На оригиналы ставилась сургучная печать [Там же, л. 11—12, 41, 47, 73, 79, 88, 91, 112, 140, 151, 181]. Юридическая сила постоянных паспортов подчеркивалась перечнем законов и нормативных актов, на основании которых осуществлялась отставка: Адмиралтейский регламент (1 глава, п. 58), а также упо-

мянутые выше указы Берг-Коллегии от 31 декабря 1727 года и 23 июня 1731 года [Там же, л. 24, 119—119 об, 135, 182].

С получением паспорта бывшие рекруты приобретали личную свободу, имели право, как было написано в некоторых паспортах, жить «где в российском государстве... пожелает» [Там же, л. 63]. На практике, однако, Берг-коллегия ориентировалась на Сенатский указ от 31 мая 1750 года «О выдаче паспортов морским и адмиралтейским нижним служителям при совершенной отставке от службы, с прописанием в оных, чтобы возвращались для жительства на прежние жилища» [ПСЗРИ-1, т. 13, № 9753, с. 278—279]. Аналогично получатели постоянного паспорта расписывались под текстом специального документа, подтверждая тем самым свое согласие поселиться, чаще всего, в родной деревне.

На предприятиях горной промышленности Урала с каждым годом увеличивалось количество трудовых инвалидов, ранее ценных для казны кадров, потерявших работоспособность из-за профессиональных заболеваний и увечий. Для рядовых в России XVIII века выплаты пенсий не были предусмотрены, а система общественного призрения находилась в зачаточном состоянии. Чтобы избежать экономического ущерба, который неизбежно вылился бы со временем в социальную проблему, местные органы власти принимали профилактические меры. В продолжение начатой при Петре I борьбы против нищенства в постоянных паспортах было прописано требование «по миру не ходить и милостыни не просить» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 20, 30 об. — 31, 77—77 об., 115—115 об., 154]. Проверялся и налоговый статус. Для получения соответствующей справки рекомендованных к отставке служителей отправляли в Контору судных и земских дел [Там же, л. 24, 96, 103]. Без предъявления такого рода обходного листа паспортов лицам данной категории не выдавали. Также горные власти интересовались ближайшим окружением претендента. В случае отсутствия сыновей, родственников или свойственников обязанность уплаты подушного оклада, а также уход за инвалидом возлагались на мир, из которого он когда-то был рекрутирован. Наименее популярным поэтому являлось решение уволить человека, имевшего «в дальнейшем пропитание... от труда своего» [Там же, л. 116 об.]. Прежние попытки правительства урегулировать проблему поселением ветеранов на окраинах, в Поволжье и Азиатской части страны или определением их в монастыри и богадельни, уже оказались малоэффективными в случае выбывших из армии унтер-офицеров и рядовых [ПСЗРИ-1, т. 6, № 3920, с. 516, т. 9, № 7142, с. 1022, т. 10, № 7727, с. 693—694, т. 11. № 8561, с. 607—608]. К тому же в центре горнозаводского Урала работала лишь одна богадельня. Открытое в 1737 году небольшое заведение размещалось в здании, состоявшем из двух изб, соединенных сенями [Копырина, 2023, с. 201].

Поселившись на новом (прежнем) месте жительства, отставные работники были обязаны уведомить о своем прибытии компетентный орган, каким являлась в большинстве случаев заводская контора. Туда же опекун — сын, родственник или глава общины — должен был отнести паспорт после смерти его обладателя [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1140, л. 477, 478—478 об.]. В связи с действовавшим законодательством о паспортном режиме жизненный круг замыкался лишь с завершением этого последнего акта.

4. Заключение = Conclusions

Поступив на заводскую службу, бывшие крестьяне окунались в незнакомый мир, живущий по новому распорядку времени, по расписанию, которое вместо цикла природы диктовалось потребностями горной промышленности. Чужим был и облик нового окружения — «организованная “регулярная” реальность» центра горнозаводского Урала. Строгая геометрия бастионной крепости, выстроенной двумя осями — течением реки и пересекавшей ее плотиной — и унифицированная планировка жилых кварталов с дворами мастеровых и прочих служителей придавали всему ансамблю непривычный, европейский вид. Впечатление усиливалось тем, что часть общественных и административных зданий раннего Екатеринбурга были построены по технологии мазанки, внешне похожей на фахверковый стиль, характерный для архитектуры прежде всего немецких земель [Редин, 2021, с. 1042—1063; цит. по: с. 1053]. В эту картину вписаться было велено и работникам промышленных предприятий. Применялся известный указ Петра. Находясь на производстве, они обязывались бриться и носить иноземное платье — своего рода мундир, являвшийся также знаком причастности к иной культуре. После увольнения мастеровые и нижние чины возвращались в прежние места жительства, однако им не удавалось слиться с окружением. Меры государственного надзора регулировали и жизнь после отставки, поскольку запрет рядовым солдатам переодеваться «в гражданское» распространялся на горное дело. Требование «носить немецкое платье ... и бороды брить», сформулированное изначально в именных указах императрицы Екатерины I от 31 мая и 5 июля 1726 года, повторялось в постоянных паспортах, выдаваемых Канцелярией Главного заводов правления [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 20, 28—28 об., 30 об.—31, 39—39 об., 77 об. — 78, 99—99 об., 115—115 об., 119—196 об., 144—144 об., 158 об. — 159; ПСЗРИ-1, т. 7, № 4893, с. 654; Указ императрицы Екатерины I, 1883, с. 432—433]. Таким образом, служба на казенных заводах Урала оказывалась пожизненной в буквальном смысле этого слова. В перспективе правительственная политика способствовала разрыву ментальной связи с когда-то покинутым миром, формированию горнозаводской культуры.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 122, 135, 280, 894, 1140, 1243, 1310, 1728.
2. *Заводской устав* Татищева // Горный журнал. — 1831. — Книга 9. — С. 320—328; Книга 10. — С. 1—9.
3. ПСЗРИ-I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. 5. 1713—1719. — 781 с. ; — Т. 6. 1720—1722. — 815 с. ; Т. 7. 1723—1727. — 925 с. ; Т. 9. 1733—1736. — 1024 с. ; Т. 10. 1737—1739. — 995 с. ; Т. 11. 1740—1743. — 988 с. ; Т. 13. 1749—1753. — 957 с.
4. *Татищев В. Н.* Записки. Письма : 1717—1750 / В. Н. Татищев. — Москва : Наука, 1990. — 440 с.
5. *Указ императрицы Екатерины I* «о содержании себя в чистоте и о бритии бород отставным военным чинам» от 5 июля 1726 г. // Русская старина. — 1883. — № 8. — Т. XXXIX. — С. 432—433.

Литература

1. *Бабич М. В.* Попытки реформирования политики и практики офицерских отставок в конце 1730-х годов / М. В. Бабич // Военное прошлое государства Российского : утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала, 13—17 сентября 2006 года. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2006. — Ч. 2. — С. 13—17.
2. *Балыкина М. И.* Недоросль на смотре : у истории воинской службы в петровское время (на примере Нижегородской губернии) / М. И. Балыкина // История : Факты и Символы. — 2021. — № 1 (26). — С. 57—63. — DOI: 10.24888/2410-4205-2020-26-1-57-63.
3. *Беляев И. И.* К истории изучения этиологии рака кожи трубочистов / И. И. Беляев // Гигиена и санитария. — 1976. — № 6. — С. 43—44.
4. *Гурьева А. В.* Законодательство о смотрах дворянских недорослей в России XVIII в. / А. В. Гурьева // Документ. Архив. История. Современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 21—22 октября 2010 г.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2010. — С. 66—70. — ISBN 978-5-7525-4022-6.
5. *Захаров А. В.* Царедворцы и шляхетство на государевых смотрах петровского времени / А. В. Захаров // Петр Великий : исследования и открытия : к 350-летию со дня рождения : материалы Международной научной конференции. Российское историческое общество, Институт российской истории РАН. — Санкт-Петербург, Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2022. — С. 213—226. — ISBN 978-5-98712-306-5.
6. *Захаров А. В.* Информационность и состав массовой документации генерального смотра дворянства 1721—1723 гг. / А. В. Захаров // Гуманитарные и юридические исследования. — 2021 — № 4. — С. 38—46. — DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.4.
7. *Копырина С. Н.* Социальная инфраструктура поселков казенных заводов Урала в 20—50-е гг. XVIII в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 5.6.1 / С. Н. Копырина. — Екатеринбург, 2023. — 331 с.

8. *Копырина С. Н.* Становление медицинской инфраструктуры на казенных заводах Урала в первой трети XVIII века / С. Н. Копырина, А. В. Черноухов // *Вестник гуманитарного образования*. — 2020. — № 2 (18). — С. 20—34. — DOI: 10.25730/VSU.2070.20.016.

9. *Корепанов Н. С.* Екатеринбургское ведомство / Н. С. Корепанов // *Екатеринбург энциклопедия*. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. — Т. 1. — С. 376—377. — ISBN 978-5-7996-3717-0.

10. *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. — 273 с. — ISBN 5-7851-0578-0.

11. *Мирский М. Б.* Медицина России XVI—XIX веков / М. Б. Мирский. — Москва : Росспэн, 1996. — 400 с. — ISBN 5-86004-029-6.

12. *Редин Д. А.* Екатеринбург генерала Геннина : опыт прочтения «городского текста» / Д. А. Редин // *Quaestio Rossica*. — 2021. — Т. 9. — № 3. — С. 1042—1063. — DOI: 10.15826/qr.2021.3.626.

13. *Сафронова А. М.* Документы Екатеринбургского госпиталя как уникальный источник для реконструкции состава его пациентов (1735—1739 гг.) / А. М. Сафронова // *Архивы и историческая наука : механизмы взаимодействия : материалы III Уральского историко-архивного форума (Екатеринбург, 18—19 октября 2024 г.)*. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. — С. 297—302. — ISBN 978-5-7996-3927-3.

14. *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев — организатор медицинской службы в Екатеринбурге / А. М. Сафронова // *Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр.* — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — Выпуск 17. — С. 51—70. — ISBN 978-5-7996-2116-2.

15. *Сафронова А. М.* Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723—1734 годах / А. М. Сафронова, А. А. Сафронов // *Научный диалог*. — 2020. — № 9. — С. 434—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-434-453.

16. *Старков В. И.* Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII — первой половине XIX в. / В. И. Старков. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. — 150 с. — ISBN 5-7851-0664-7.

17. *Черкасова А. С.* Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. / А. С. Черкасова. — Москва : Наука, 1985. — 247 с.

18. *Härtling F. H.* Der Lungenkrebs, die Bergkrankheit in den Schneeberger Gruben / F. H. Härtling, W. Hesse // *Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin und öffentliches Gesundheitswesen*. — 1879. — Nr. 30. — Pp. 296—309.

19. *Henkel J. F.* Medicinischer Ufstand und Schmelz-Bogen : Insonderheit Von der Bergsucht und Hütten-Katze, und einigen andern, Denen Bergleuthen und Hütten-Arbeitern zustossenden Kranckheiten / J. F. Henkel. — Freyberg : Matthäi, 1728. — 174 p.

20. *Kurin D. S.* Soot Wart Cancer among British Chimney Sweeps, 18th — 19th Centuries / D. S. Kurin // *The Bioarcheology of Disaster. How Catastrophes Change our Skeletons*. — New York : Routledge, 2021. — Pp. 91—97. — ISBN 978-1-003-22020-9.

21. *Schüttmann W.* Beitrag zur Geschichte der Schneeberger Lungenkrankheit, des Strahlenkrebses der Lunge durch Radon und seine Folgeprodukte / W. Schüttmann // *NTM : Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin*. — 1988 — Nr. 25 (1). — Pp. 83—96.

*Статья поступила в редакцию 18.02.2025,
одобрена после рецензирования 25.05.2025,
подготовлена к публикации 05.06.2025.*

Material resources

- Decree of Empress Catherine I “on keeping oneself clean and shaving the beards of retired military officers” dated July 5, 1726. (1883). *Russian Antiquity*, 8 (XXXIX): 432—433. (In Russ.).
- GASO — The State Archive of the Sverdlovsk region. (In Russ.).
- PSZRI-I — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Meeting 1st. From 1649 to December 12, 1825.* (1830). Saint Petersburg: Type. of the 2nd Department of the Own E. I. V. Chancellery. (In Russ.).
- Tatishchev, V. N. (1990). *Notes. Letters: 1717—1750.* Moscow: Nauka Publ. 440 p. (In Russ.).
- Tatishchev’s factory regulations. (1831). *Mining Journal*, 9, 10: 320—328; 1—9. (In Russ.).

References

- Babich, M. V. (2006). Attempts to reform the policy and practice of officer retirements in the late 1730s. In: *The military past of the Russian state: lost and preserved. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 250th anniversary of the Memorable Hall, September 13—17, 2006*, 2. St. Petersburg: [b. i.]. 13—17. (In Russ.).
- Balykina, M. I. (2021). Nedorosl on review: the history of military service in Peter’s time (on the example of Nizhny Novgorod province). *History: Facts and Symbols*, 1 (26): 57—63. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-26-1-57-63. (In Russ.).
- Belyaev, I. I. (1976). On the history of studying the etiology of skin cancer of chimney sweeps. *Hygiene and sanitation*, 6: 43—44. (In Russ.).
- Cherkasova, A. S. (1985). *Artisans and working people of the Urals in the XVIII century.* Moscow: Nauka Publ. 247 p. (In Russ.).
- Guryeva, A. V. (2010). Legislation on inspections of noble minors in Russia of the XVIII century. In: *Document. Archive. History. Modernity. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, October 21—22, 2010).* Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 66—70. ISBN 978-5-7525-4022-6. (In Russ.).
- Härtling, F. H. (1879). Der Lungenkrebs, die Bergkrankheit in den Schneeberger Gruben. *Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin und öffentliches Gesundheitswesen*, 30: 296—309. (In Germ.).
- Henkel, J. F. (1728). *Medicinischer Ufstand und Schmelz-Bogen: Insonderheit Von der Bergsucht und Hütten-Katze, und einigen andern, Denen Bergleuthen und Hütten-Arbeitern zustossenden Kranckheiten.* Freyberg: Matthäi. 174 p. (In Germ.).
- Kopyrina, S. N. (2023). Social infrastructure of settlements of state-owned factories in the Urals in the 20—50s of the XVIII century. PhD Diss. Yekaterinburg. 331 p. (In Russ.).
- Kopyrina, S. N., Chernoukhov, A. V. (2020). The formation of medical infrastructure at state-owned factories in the Urals in the first third of the XVIII century. *Bulletin of Humanitarian Education*, 2 (18): 20—34. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.016. (In Russ.).
- Korepanov, N. S. (2005). *The first century of Yekaterinburg.* Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 273 p. ISBN 5-7851-0578-0. (In Russ.).
- Korepanov, N. S. (2023). Yekaterinburg Department. In: *Yekaterinburg Encyclopedia*, 1. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 376—377. ISBN 978-5-7996-3717-0. (In Russ.).

- Kurin, D. S. (2021). Soot Wart Cancer among British Chimney Sweeps, 18th — 19th Centuries. In: *The Bioarcheology of Disaster. How Catastrophes Change our Skeletons*. New York: Routledge. 91—97. ISBN 978 1 003 22020 9. (In Germ.).
- Mirsky, M. B. (1996). *Medicine of Russia of the XVI—XIX centuries*. Moscow: Rosspen. 400 p. ISBN 5-86004-029-6. (In Russ.).
- Redin, D. A. (2021). Yekaterinburg of General Gennin: the experience of reading the “urban text”. *Quaestio Rossica*, 9 (3): 1042—1063. DOI: 10.15826/qr.2021.3.626. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2017). V. N. Tishchev — organizer of the medical service in Yekaterinburg. In: *Document. Archive. History. Modernity: collection of scientific tr*, 17. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 51—70. ISBN 978-5-7996-2116-2. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2024). Documents of the Yekaterinburg Hospital as a unique source for reconstructing the composition of its patients (1735—1739). In: *Archives and historical science: mechanisms of interaction: materials of the III Ural Historical and Archival Forum (Yekaterinburg, October 18—19, 2024)*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 297—302. ISBN 978-5-7996-3927-3. (In Russ.).
- Safronova, A. M., Safronov, A. A. (2020). Hospital as an Object of Social Infrastructure in Yekaterinburg in 1723—1734. *Nauchnyi dialog*, 9: 434—453. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-434-453>. (In Russ.).
- Schüttmann, W. (1988). Beitrag zur Geschichte der Schneeberger Lungenkrankheit, des Strahlenkrebses der Lunge durch Radon und seine Folgeprodukte. *NTM: Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin*, 25 (1): 83—96. (In Germ.).
- Starkov, V. I. (2007). *Historical experience of the development of the healthcare system in the mining Urals in the XVIII — first half of the XIX century*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 150 p. ISBN 5-7851-0664-7. (In Russ.).
- Zakharov, A. V. (2021). Information content and composition of mass documentation of the general review of the nobility of 1721—1723. *Humanitarian and legal studies*, 4: 38—46. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.4. (In Russ.).
- Zakharov, A. V. (2022). Courtiers and gentry at the imperial reviews of Peter the Great. In: *Peter the Great: research and discoveries: on the 350th anniversary of his birth: proceedings of the International Scientific Conference. Russian Historical Society, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*. St. Petersburg, Moscow: Center for Humanitarian Initiatives. 213—226. ISBN 978-5-98712-306-5. (In Russ.).

*The article was submitted 18.02.2025;
approved after reviewing 25.05.2025;
accepted for publication 05.06.2025.*